

УДК 140.8

DOI: 10.34670/AR.2022.38.19.022

Симулякр и симуляция как проблема философского дискурса

Хабибулина Лилия Фэатовна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры всемирного культурного наследия,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: lilia-fiat@mail.ru

Аннотация

Симуляция как концептуальная основа человеческого бытия с необходимостью и постоянством являет себя в тех или иных формах. Границы её интерпретации формулировались не один век, например, в период греческой классики теорией мимесиса в подражании искусства; ложью и притворством в качестве самозащиты и благодеяния Ф. Бэкона и Т. Гоббса; игрой и спектаклем Й. Хейзинги и Ги Дебора; симулякром, фантомом виртуально-манипулятивных миров Ж. Бодрийера и Ж. Делеза, симуляцией субъекта и модусом «как бы» Ф. Гиренка и М. Эпштейна; социальной имитацией, авгурианством и общественным лицедейством, превращённой формой бытия и движения информации в культуре эпохи постмодерна, провозглашением трансгрессивной реальности и «новой нормальности» и т.д. В эпоху современных социокультурных и антропологических потрясений возникла потребность в переосмыслении концептов симулякра и симуляции, занявших прочные позиции в интерпретации трансформаций культуры и общества. Автор работы, систематизируя накопленный материал, эксплицирует поле симуляции в дихотомии бытия человека и общества. Проведённый сравнительный анализ нерепрезентативных теорий Ж. Делёза и Ж. Бодрийера позволяет выявить сходства в понимании внутренней содержательной пустоты симулякра, констант симуляции в сокрытии реальности.

Для цитирования в научных исследованиях

Хабибулина Л.Ф. Симулякр и симуляция как проблема философского дискурса // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 2А. С. 164-169. DOI: 10.34670/AR.2022.38.19.022

Ключевые слова

Симулякр, симуляция, Ж. Бодрийер, Ж. Делез, ризома.

Введение

В настоящее время практически ни одно исследование современной культуры не обходится без обращения к понятиям «симулякра» и «симуляции», со второй половины XX века они стали весьма популярными. В классическую эпоху симулякр был связан с теорией мимесиса, ассоциируя собой подобие действительности как результат подражания ей. В Новое время интерпретация несколько поменялась в сторону игры, подмены реальности, её имитации. И наконец, постмодернистская жизнь концепта совершенно оторвалась от миметического значения, отражая собой конец подражательности и репрезентативности.

В ретроспективном изложении с философской традиции Ж. Бодрийера до Эпикура и Лукреция генезис понятия «симулякр» рассмотрен в словаре постмодернистских терминов И.П. Ильина [Ильин, 2001, с. 256-258]. Как понятие философии постмодернизма симулякр и симуляция – базовые элементы теории Ж. Бодрийера, согласно которой происходит «замена реального знаками реального». В его интерпретации симулякр является продуктом процесса симуляции, в бессмысленной эклектике которой он находит силы соблазна и совращения.

Репрезентативная и нерепрезентативная модели симулякра

Историко-философский экскурс в проблему симуляции позволяет выявить две модели представления пространства симулякров: репрезентативную и нерепрезентативную. Обе они теоретически значимы для дальнейшего исследования, потому что позволяют проследить и значительную трансформацию понятия «симулякр» на разных этапах истории.

Необходимо определить понятие репрезентативности. В «Новейшем философском словаре» под редакцией А. Грицанова [Грицанов, 2003, с. 826] репрезентация трактуется как многозначное понятие, которое заключается в отображении отсутствующего в данный момент объекта, замещении его представлением. Таким образом, можно сказать, что репрезентацией фиксируется связь между реальным знаком и его представлением.

В античности впервые была использована репрезентативная модель симулякра. Платон в диалоге «Софист» различает идею и образ, оригинал и копию, тем самым выдвигая проблему репрезентации, которая особенно остро заявила о себе в 20 столетии. Античный философ понимает симулякр как копию копии, удвоение удвоения, которое все еще претендует на роль оригинала. По Платону симулякр – искажающий знак, который должен быть осужден как вымысел, призрак и лишен онтологического статуса. Пытаясь искоренить это несоответствие, философ пытается от них избавиться. Однако в силу призрачности и фантазмагоричности сделать это не под силу даже Платону. Симулякры бессмертны. Однако уже у Платона репрезентативная модель симулякра содержит в себе нерепрезентативную составляющую, в рамках которой симулякр предстает негативной сущностью, искажающей отображаемую копию.

Нерепрезентативная модель получает свое развитие в философии Ж. Делёза и Ж. Бодрийера, которые основательно рассмотрели симулякр и выработали свой подход к пониманию феномена. Предмет рассмотрения один и тот же, однако, интерпретация онтологических (Ж. Делёз) и социальных (Ж. Бодрийер) аспектов симуляции имеет существенные различия. В философии Ж. Делёза симулякр трактуется в образе демона, творческих сил обмана. Философ отказывается от «мира идей» Платона, критикует теорию репрезентации, отмечая, что знак не репрезентирует объект, хотя в нём остаётся след объекта. По Делёзу симулякр – «образ,

лишенный сходства» [Делёз, 1998, с. 335]. То есть симулякр – знак, который одновременно отрицает оригинал и копию, вещь и тождественное изображение вещи. Его подлинная сущность в вечном становлении и различии в самом себе. Бессмысленно само понятие подлинности, потому что симулякр, хаотично меняет правила игры, основываясь «на несоответствии и на различии» [Там же]. Симуляция в нерепрезентативной модели предстает имманентной реальностью, уже изначально присутствующей в структуре бытия.

Ж. Бодрийяр в работе «Симулякры и симуляция» [Бодрийяр, 16] совершил решительный переворот в том, что он сумел понять процесс перехода симулякра от того, когда он ещё «отражает фундаментальную реальность» (репрезентативная форма) до фазы развития чистой симуляции (нерепрезентативная форма). Он проследил развитие симулякра от доброкачественного проявления (отражение фундаментальной реальности) через злокачественное (искажает фундаментальную реальность) к чародейству (маскирует отсутствие реальности). Чистая симуляция представлена четвертой фазой, она больше не нуждается в оригинале, так, как и в репрезентации. Не умаляет заслуг Ж. Бодрийяра и то, что его концепция симуляции формировалась не без влияния других исследователей. Так в симулякрах второго порядка явно прослеживается влияние идей В. Беньямина, который в работе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» осмысливает и характеризует эпоху промышленных революций как производство неограниченного количества копий.

Поскольку, по Бодрийяру, «исчезает целая метафизика», реальное отныне не может проявить себя, всецело подчинившись гиперреальному. Проникая во все области социальной жизни, симуляция становится всеобщей реальностью, гиперреальностью, оказывающей влияние на всю культуру повседневности. И в этом трудно не согласиться с Ф. Гиренком в том, что французские философы, перестав отделять означающее от означаемого, отказали знаку в праве на существование, тем самым «оставляя место для симуляции и символов» [Гиренок, 2009].

Подходы Делёза и Бодрийяра имеют как сходства, так и различия. В понимании внутренней содержательной пустоты симулякра, их серийности философы единодушны, также, как и в понимании наполненности бытия симулякрами, которые затмили реальность гиперреальностью. Однако необходимо отметить различия. Делёз рассматривает симулякр чисто в теоретическом ключе. В отличие от него Бодрийяр в симулякре и симуляции проецирует своё понимание этапов развития общества. У Делёза мы не обнаруживаем сходства симуляции и имитации. Более того, он разводит эти понятия тем, что интерпретирует симулякр как «образ, лишенный подобия». Напротив, у Бодрийяра мы видим включение имитации составной частью симуляции, симулякре первого порядка. По Делёзу симулякр не получает развития в истории, двигаясь циклично хаотичными сериями. Напротив, по Бодрийяру развитие симулякра линейно, он развивается в истории (три порядка симулякров). И, наконец, у философов разное понимание отношения симулякра и истины/реальности. Делёз рассматривает симулякр как отрицание истины. В то время как у Бодрийяра симулякр подменяет истину.

Ризоматичный разлом симуляции

Интересна точка зрения современного исследователя Е.С. Гусевой, которая считает необходимым соотнести семантическое наполнение симулякра с целым рядом сопряжённых с ним понятий. Все они, переплетаясь и взаимопроникая друг в друга, образуют ризому, которая не подчиняется какой-либо порождающей её оси, и согласно Ж. Делёзу и Ф. Гваттари, не

прекращает свое формирование как корневище. Современный исследователь интерпретирует симулякр посредством значений слов: видимость, подделка, мираж, неистинное, ложное, мнимое, подлог, фикция, маска, обман, личина, муляж, манекен и химера [Гусева, 2011, с. 64]. Однако, такой обширный синонимичный ряд, конечно же, соотносимый с целостностью симулякра как ризомы, смещает смысл и акценты понимания симулякра и симуляции с онтологического толкования в плоскость мнимых сущностей, ловушек сознания. На наш взгляд, такой подход несколько односторонен. Он мало что даёт в понимании симуляции в контексте вполне осознанных установок сознания, эффективно справляющихся с ролью навязывания человеку «псевдо» и «квазиценностей» современного общества.

С другой стороны, ускользание позитивного смысла симулякров (как ни странно это звучит) в эру тотальной симуляции, его рассмотрение по принципу одной стороны бинарной оппозиции «реальность-нереальность», «правда-ложь» или «образ-подделка образа» не оправдывает себя в духовно-экзистенциальном измерении человеческого бытия, не подчиняющегося жёстким рамкам однозначности. Ярким примером такой неодносторонности и неоднозначности явилось современное толкование статуса «ложного» как одного из «модусов существования» человека [Разинов, 2011, с. 99], в котором есть не только негативный, но и позитивный смысл.

Синонимичный ряд Е.С. Гусевой (видимость, подделка, мираж, подлог, фикция, муляж, манекен) продолжает М. Эпштейн одним ёмким термином, «союзом-философемой – «КАК БЫ», обозначающим «условно-симулятивную, «кажимую» природу мироустройства» [Проективный философский словарь: Новые термины и понятия, 2003, с. 149-150]. Он обозначает им концепт видимости, которая «почти не скрывает своей обманчивости». «КАК БЫ», – пишет философ, – вбирает в себя весь спектр перехода от реальности к подобию. «Эта отсылка не приводит к чему-либо другому, она не указывает на отсутствие подлинной реальности, олицетворяя собой лишь переход от истины к не истине, который не даёт возможности «провести дискретные разделения «истины» и «лжи»» [Там же]. Однако симулякр сложнее, шире и увертливее понятия «КАК БЫ», потому и не поддаётся однозначной трактовке, ибо скрывает подмену реального собственной условностью, фасадом допустимо неоощуяемой фиктивности.

Семантическое наполнение «симуляции» несколько другое, оно чаще ассоциируется с имитацией, подделкой, направленной на то, чтобы исказить истинное положение вещей и ввести в заблуждение. В энциклопедическом, толковом, психологическом словаре симуляция в значении ложного притворства, сокрытия истины рассматривается как характерный признак поведения человека, желающего добиться какой-либо цели обманным путем при помощи имитации.

Может быть симуляция тождественна имитации? Современные исследователи расходятся во мнениях. Например, [Шальюгина, 2012, с. 5] рассматривает имитационную реальность как симулятивную, фактически отождествляя их. При этом автор вполне чётко и понятно обосновывает ассоциацию имитации с симуляцией и симулякром, а также виртуальностью – понятиями, тесно связанными и отражающими принципиально неподлинный мир. Не вызывает сомнения мысль исследователя о том, что тесная связь названных понятий с видимостью, изначально неправдоподобностью характеризует социальное пространство российского общества как симулятивное.

Иначе интерпретирует симуляцию и имитацию А.Г. Великанов. В работе «Симулякр ли я дрожащий или право имею», рассматривая возможность художника творить и созидать в условиях тотальной симуляции, он трактует симуляцию и имитацию понятиями разного

порядка, как в языке, так и в постмодернистских концепциях. С одной стороны, – говорит он, – суть обоих понятий притворство, «но симулировать можно болезнь, а имитировать, скажем, голос» [Великанов, 2007, с. 11].

Симуляция по своему диапазону значительно шире имитации. Поскольку симуляция предполагает наличие имитационных практик (копирования), однако не всегда ими исчерпывается, можно сказать, что имитация может входить в симуляцию как небольшая её часть, как одна из практик. Здесь нужно согласиться с Делёзом в том, что «копию можно считать имитацией в той степени, в какой она воспроизводит модель» [Делёз, 1998, с. 335-336]. Хотя доля синонимичности понятий всё же присутствует, симуляция и имитация – не одно и то же.

Заключение

Краткий экскурс в симулятивное, как вечную нехватку (неполноту) и/или излишек (сверхполноту) сущности и природы человека, логично вписывает симуляцию в культурный контекст современности.

Суммируя вышесказанное, отметим, что в понимании внутренней содержательной пустоты симулякра, его серийности философы единодушны, также, как и в понимании наполненности бытия симуляцией, затмившей реальность гиперреальностью. Симулякр и симуляция обладают лишь внешней формой, приводя к рассогласованию элементов социальной системы из-за тотального обмена. Все элементы, которые были диалектически противоположными и противоречивыми, сегодня свободно обмениваются: прекрасное и безобразное в моде, «левые» и «правые» в политике, правда и ложь в сообщениях масс-медиа, полезное и бесполезное в быту, природе и культуре.

Библиография

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. 2016. – 240 с.
2. Великанов А.Г. Симулякр я дрожащий или право имею. 2007. – 272 с.
3. Гиренок Ф. Человек – не симулякр. /Завтра. № 19 (807).
4. Гусева Е.С. Новые мифологемы современного сознания: симулякры (к проблеме деструкции бинаризма). /Вестник НГУ. Сер.: Психология. – 2011. – Том 5, вып. 2. – с. 63-69.
5. Делёз Ж. Симулякр и античная философия. /Логика смысла. 1998. – с. 329-365.
6. Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. 2001. – с.256-258.
7. Новейший философский словарь (под ред. А. Грицанова). 2003. – с. 826-828.
8. Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / под ред. Г.Л. Тульчинского и М.Н. Эпштейна. 2003. – с. 149-150.
9. Разинов Ю.А. Метафизика кривых троп. 2011. – 308 с.
10. Шалюгина, Т.А. Имитация в современном российском обществе: сущность, субъекты воздействия, социальное пространство проявления / Автореф. дис. ... докт. филос. наук. 2012. – 60 с.

Simulacrum and simulation as problem of philosophical discourse

Liliya F. Khabibulina

PhD, Associate Professor of the Department of World Cultural Heritage,
Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, 18, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: lilia-fiat@mail.ru

Liliya F. Khabibulina

Abstract

Simulation as a conceptual basis of human existence with necessity and constancy manifests itself in various forms. The boundaries of its interpretation have been formulated for more than one century, for example, during the period of the Greek classics by the theory of mimesis in imitation of art; by lies and pretense as self-defense and benevolence of F. Bacon and T. Hobbes; by game and performance of J. Kheizinga and Gi Debor; by simulacrum, a phantom of the virtual-manipulative worlds of J. Baudrillard and J. Deleuze, the simulation of the subject and the mode "as it were" by F. Girenok and M. Epshtein; by social imitation, augurism and public acting, a transformed form of being and movement of information in the culture of the postmodern era, the proclamation of transgressive reality and "new normality" etc.

In the era of modern socio-cultural and anthropological upheavals there is a need to rethink the concepts of simulacrum and simulation, which have taken a strong position in the interpretation of the transformations of culture and society. The author of the work, systematizing the accumulated material, explicates the field of simulation in the dichotomy of human being and society. The comparative analysis of the non-representational theories of J. Deleuze and J. Baudrillard allows us to identify similarities in understanding the inner meaningful emptiness of the simulacrum, simulation constants in the concealment of reality.

For citation

Khabibulina L.F. (2022) Simulyakr i simulyatsiya kak problema filosofskogo diskursa [Simulacrum and simulation as problem of philosophical discourse]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (2A), pp. 164-169. DOI: 10.34670/AR.2022.38.19.022

Keywords

Simulacrum, simulation, J. Baudrillard, J. Deleuze, rhizome.

References

1. Baudrillard J. (2016), Simulacra and simulation. – 240 p.
2. Velikanov A.G. (2007), I am a trembling simulacrum or have the right. - 272 p.
3. Girenok F. (2009), Man is not a simulacrum. / Tomorrow. No. 19 (807).
4. Guseva E.S. (2011), New mythologems of modern consciousness: simulacra (on the problem of destruction of binarism). Volume 5, no. 2. - pp. 63-69.
5. Deleuze J. (1998), Simulacrum and ancient philosophy. pp. 329-365.
6. Ilyin I.P. (2001), Postmodernism. Glossary of terms. – pp. 256-258.
7. The latest philosophical dictionary (ed. A. Gritsanova). (2003), – pp. 826-828.
8. Projective philosophical dictionary: New terms and concepts (ed. G.L. Tulchinsky and M.N. Epstein). (2003). - pp. 149-150.
9. Razinov Y.A. (2011), Metaphysics of crooked paths. - 2011. - 308 p.
10. Shalyugina T.A. (2012), Imitation in modern Russian society: essence, subjects of influence, social space of manifestation /Abstract of the thesis. dis. ... doc. philosophy Sciences. - 60 p.